

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Е.Э. ПЧЕЛИНЦЕВА
г. Черкассы, Украина

Роль глагольных префиксов в формировании аспектуальной семантики русских отглагольных имен действия¹

В статье исследуется степень влияния унаследованных глагольных префиксов на аспектуальные особенности отглагольных имен действия в русском языке.

Ключевые слова: *отглагольное имя существительное; аспектуальная семантика; глагольные префиксы.*

В фокусе нашего анализа в данной статье – имя существительное, образованное от глагола и выражающее значение действия или состояния: *изучение, лечение, излечение, питание, пропитание, возмужание* и т.д. Отглагольное имя действия сочетает в себе свойства двух основных частей речи, высвечивая разные грани семантики имени и глагола и демонстрируя иногда нетривиальное поведение в речи. Очень важным компонентом значения любого глагола является его аспектуальная семантика, т.е. характеристика действия по признаку процессуальности, повторяемости, результативности, законченности и т.д. Возникает закономерный вопрос: в какой степени русское отглагольное имя действия со-

храняет эти глагольные аспектуальные («видовые») свойства?

С одной стороны, хорошо известно, что эта категория слов гораздо более «аспектуально универсальна», чем глагол². Это значит, что в ряде случаев одно и то же имя действия может употребляться как в контекстах, соответствующих ситуациям употребления глагольного совершенного вида, так и в контекстах, соответствующих ситуациям употребления глагольного несовершенного вида. Это легко проверить с помощью трансформации в соответствующие глагольные конструкции:

(1) Одна надежда ей оставалась: умереть прежде *совершения* ненавистного брака. (Пушкин) = ...прежде, чем совершится (СВ) ненавистный брак;

(2) В конце декабря Громов был задержан сотрудниками ГУБЭПа *во время совершения* сделки в офисе на Ленинском проспекте в Москве. (Известия. – 2002. – 10.01) = ...когда совершал (НСВ) сделку.

Пчелинцева Елена Эдуардовна, кандидат филол. наук, доцент Черкасского государственного технологического университета (Украина), докторант ИЛИ РАН.

E-mail: pchele@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

² См., например, об этом работы: [Падучева 2014, Цзяхуа Чжан 2007, Пазельская 2003].

С другой стороны, назвать отглагольное имя аспектуально индифферентным мы также не можем. Замена одного имени действия на другое при сохранении всех остальных элементов фразы в примере (3а) приводит к полному изменению аспектуальной характеристики ситуации (3б). Ср.:

(3а) Аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем *пребывании* во Владикавказе. (Пушкин) = ...не жалеют о том, что пребывали (НСВ) во Владикавказе.

(3б) ...не жалеют о *побеге* = не жалеют о том, что бежали (СВ).

При попытке разобраться с вопросом, какие именно аспектуальные значения выражает имя действия и от чего это зависит, мы сталкиваемся с целым рядом сложностей. Прежде всего с тем, что в русском языке, в отличие от других славянских языков (польского, чешского, украинского и др.)³, имя действия образуется далеко не от всех глаголов: по нашим подсчетам, на 33 тысячи глаголов – с учетом видовых и залоговых форм (БАС) приходится только около 5500 имен действия. Это значит, что отглагольное имя действия образуется только от каждого шестого глагола. Кроме того, в русском языке практически утрачены видовые формы отглагольных имен: «видовых пар» типа *выздоровление – выздоровливание, всплытие – всплывание, гашение – погашение* насчитывается чуть более 400, но даже в случае сохранения таких «пар» речь не идет о действительной грамматической видовой парности имен действия, поскольку различие между ними в большинстве случаев является чисто лексическим. Например, в паре *рассматривание – рассмотрение* первое слово имеет конкретное значение физического процесса (*рассматривание деталей картины*), а второе – скорее раз-

³ Например, в близкородственном украинском языке отглагольных имен действия почти вдвое больше, чем в русском, причем их употребление в соответствии с видом мотивирующего глагола – весьма распространенное явление в речи. В польском и чешском языках имя действия является практически регулярной отглагольной формой и сохраняет глагольные показатели вида и залога.

бирательство, разбор чего-либо с последующим вынесением решения (*рассмотрение дела в суде*).

Есть и другие усложняющие факторы. Так, от одного русского глагола с помощью разных словообразовательных суффиксов может быть образовано два, три или четыре имени действия, например глагол *разливать* служит словообразовательной базой для имен действия *разливание, разлив, разливка, розлив* (см.: [МАС 1984: III, 611; 72]).

Еще больше запутывает ситуацию то, что одно имя действия может семантически соотноситься с несколькими глагольными формами, например:

РАЗЛИВ, -а, м, 1. Действие по глаг. разлить – разливать (во 2 знач.). *Разлив вина. Разлив металла.*

2. Действие и состояние по глаг. разлиться – разливаться (во 2 и 3 знач.). *Разлив реки...* [МАС 1981: III, 611].

И даже когда отглагольное имя словообразовательно соотносится только с одним глаголом определенного вида – это все равно не дает возможности точно предсказать «аспектуальное поведение» имени в тексте. Например, существительное *завоевание* имеет следующее словарное толкование:

1. Действие по знач. глаг. завоевать. *Завоевание Северного полюса* [МАС 1981: 1, 504].

В этом случае вроде бы должны проявляться в речи перфективные свойства существительных, однако, согласно данным НКРЯ, получаются неоднозначные результаты. Для проверки мы выбрали сочетания, в которых это имя действия должно четко выражать перфективное или имперфективное значение: 1) *после завоевания* = ‘после того, как завоевали (СВ)’ и 2) *во время завоевания* = ‘во время того, как завоевали (НСВ)’. Первый вариант («*после завоевания*») дал 71 вхождение, ср.:

(4) Спустя несколько лет *после завоевания* крестоносцами Иерусалима в Святую землю устремился широкий поток паломников. (Наука и жизнь, 2008).

Во втором сочетании (*во время завоевания*) интересующее нас имя действия встретилось в НКРЯ в 10 раз меньше –

всего 7 вхождений, и, тем не менее, это вполне возможное для русского языка употребление, ср.:

(5) Но самой дорогостоящей вещью на торгах, проданной анонимно за 200 тысяч евро, оказалась личная сабля Мурат-бея, верховного военачальника мамлюков, доставшаяся Наполеону во время *завоевания* Египта в 1798 году. (Культура. – 2002. – 25 марта).

Все это делает искомую картину пестрой и неоднозначной. Возможно, именно поэтому проблема вида в отглагольных именах давно и неоднократно привлекала внимание исследователей, причем точки зрения на этот вопрос высказывались прямо противоположные. Приведем несколько наиболее ярких цитат, иллюстрирующих полярные позиции и не требующих дополнительных комментариев.

1. Вид в русских отглагольных именах есть: «Категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики, а видовая семантика у отглагольных имен формируется не только – и не столько – с помощью глагольных аффиксов, сколько на основе семантической соотнесенности с определенным глаголом, а также средствами контекста» [Иванникова 1972: 115].

2. Вида в русских отглагольных именах нет: «Категории вида у отглагольных имен не существует и никогда не было, поскольку видовые пары нерегулярны» [Хохлачева, 1969: 45–53].

3. Есть что-то, но не вид: «В современных отглагольных именах с суффиксами имперфективации сохраняется значение кратного или длительного действия» [Виноградов 1972: 118–119].

4. Есть вид, но не у всех: «Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованным от глаголов с суффиксом -ыв / -ив (*растегивание, отбрасывание, покашливание, развешивание* и т.п.), ср. также *обосновывание*» [Исаченко 2003: 15].

В последние годы проблема аспектуальности имен действия изучалась в функциональном, семантическом, формальном аспектах в целом ряде работ [Падучева 2014; Чжан Цзяхуа 2007; Анна А. Зализняк 2007; Пазельская 2003]. Нас интересует такой важный фактор, как влияние

глагольных и транспозиционных аффиксов. С одной стороны, в отглагольных именах часто сохраняются глагольные перфективные префиксы (*по-, из-, у-* и пр.) и имперфективные суффиксы *-ива-* (*-ыва-*), *-ва-*, *-а-* (*вспахивание, постукивание* и т.п.). С другой стороны, появляются новые суффиксы транспозиции: (*-ниj(e)*, *-к(a)*, *Ø* и пр.). Глагольные аффиксы и суффиксы транспозиции принадлежат фактически к разным частям речи и разным ступеням словообразования. Как показывает анализ, и первые, и вторые влияют на аспектуальное поведение имени действия в речи, но степень их влияния разная.

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос об аспектуальной значимости глагольных перфективных префиксов. Чтобы выяснить их действительную роль, сопоставим аспектуальную семантику перфективных и имперфективных членов пар, образованных от префиксальных видовых глагольных пар (типа *лечение – излечение, гашение – погашение*), их в нашей картотеке насчитывается 111 пар (222 слова)⁴. Как видим, общее количество префиксальных пар невелико; кроме того, в ряде случаев их члены заметно расходятся в лексическом значении. Например, в паре *краска – покраска* первое существительное *краска* зафиксировано в МАС в двух значениях – предметном и процессуальном:

КРАСКА¹ ... 1. Вещество придающее тот или иной цвет предметам, которые оно покрывает или пропитывает.

КРАСКА² ... Разг. Действие по глаг. красить (в 1 знач.).

Второе имя действия *покраска*, согласно словарной дефиниции, имеет только процессуальное значение:

ПОКРАСКА ... Разг. и спец. Действие по глаг. покрасить (в 1 знач.);

Проверка их употребительности убедительно показывает, что в речи они четко семантически дифференцируются. *Крас-*

⁴ Материал для исследования объемом около 5500 единиц получен методом сплошной выборки русских отглагольных имен действия из [МАС].

ка реализуется в предметных значениях – 14 807 вхождений, см. типичный пример (6), и только одно (!) вхождение – в процессуальном, и то в тексте конца XIX в., см. (7).

(6) Тем более что *краски* в тканях прошлых лет были более глубокие, ближе к природе. (Народное творчество, 2004); (7) Оно (платье. – *Е.П.*) или село *после краски*, или она из него выросла, только рукава были не в пору и закрывали ее руки чуть пониже локтя... (Г и п п и у с).

Существительное *покраска* уверенно употребляется в процессуальном значении (181 вхождение):

(8) На родине Марка Твена, в городке Ханнибал, штат Миссури, ежегодно проводится конкурс по *покраске* забора. (Наука и жизнь, 2007).

Характерно, что, хотя во многих случаях возможно употребление как приставочного, так и бесприставочного имени действия (т.е. замена в обоих направлениях), авторами довольно часто избирается наиболее подходящее по семантике имя, ср. замены в примерах (9) – (10) и (11) – (12):

(9) Я отказался от *мщения* (возможно: *отмщения*. – *Е.П.*) как от безумства. (Пушкин) = ...отказался мстить (НСВ). – (10) Не пролив ни единой капли крови в *отмщение* (возможно: *мщение*. – *Е.П.*) за кровь своего атамана... (Пушкин) = ...чтобы отомстить (СВ);

(11) А.А. Потебня... подводил к проблеме читательского *толкования* (возможно: *истолкования*. – *Е.П.*) художественного текста, которое всегда носит субъективный характер. (Аношкина) = ...как толкует (НСВ) читатель... – (12) Может быть, я ошибаюсь, дав такой смысл этому изображению, – мое *истолкование* (возможно: *толкование*. – *Е.П.*) совершенно произвольное. (Лермонтов) = ...я истолковал (СВ) произвольно...

Обращает на себя внимание, что во всех примерах, где возможна перекрестная замена, имя действия употребляется в общефактическом или неограниченно-кратном значении. Однако следует отметить, что возможности выражения аспектуальных значений у представителей этой подгруппы различны и зависят, в частности,

от наличия или отсутствия приставки. Префиксальные члены пар (при условии сохранения их лексической соотносительности хотя бы в одном из значений) более универсальны и встречаются в речи не только в значении «своего» вида, но и в значении «другого», как в примерах (13) и (14), где имена действия *постройка* – от *построить* (СВ) и *потускнение* – от *потускнеть* (СВ) употреблены в явно имперфективных контекстах:

(13) Лубков... занялся ремонтом и *постройкой* бани, разорился в пух.. (Чехов) = ...начал строить (НСВ); (14) Во второй половине нашего века началось некоторое *потускнение* литературы... (По Эренбург) = ... литература начала тускнеть (НСВ).

Или же в имперфективном контексте использовано «правильное» бесприставочное имя действия, но мы можем легко произвести его замену на «неправильное» приставочное:

(15) *Мужание* (возможно: *возмужание*. – *Е.П.*) – процесс, продолжающийся несколько лет. (Стев); (16) В этой великой работе *строения* (возможно: *построения*. – *Е.П.*) новой России найдёт должную оценку и прекрасный труд честнейшего русского писателя В.Г. Короленко. (Горький).

Что важно, во всех подобных примерах имеет место эксплицитный или имплицитный (подразумеваемый) результат или предмет, на который направлено именное действие (*баня, поэзия, новая Россия*), или «неизбежность» достижения результата (невозможно *мужать*, но не *возмужать*; *тускнеть*, но не *потускнеть*). Если же такой компонент значения потенциально отсутствует, то приставочное имя действия неуместно и контекст, акцентирующий внимание на самом процессе протекания действия, чаще не позволяет замены бесприставочного («имперфективного») существительного на приставочное, ср. примеры (17) и (18):

(17) Курс *лечения* (невозможно: *излечения* – *Е.П.*) мне необходим, – заметил Николай Артемьевич, – у меня печень не в порядке. (Тургенев); (18) Диагноз требует длительного стационарного *лечения* (невозможно: *излечения* – *Е.П.*). (Чехов).

И наоборот: если есть явный акцент на результате действия, то не всегда удается заменить приставочное имя действия на бесприставочное, как в примере (19), или же это приводит к изменению значения фразы (фазы осуществляемого процесса), как в примере (20):

(19). Произошло чудесное *излечение* (невозможно: *лечение*. – Е.П.). (Кузьмин); (20) Уж коли заболел, то *пиши* пропало. В медицине... нет даже намека на возможность *излечения* (меняется значение: *лечения* – Е.П.) (Чехов).

Еще более очевидна разница в аспектуальных фазовых значениях членов пары *лечение* – *излечение* в следующих примерах, где в (21) речь идет о завершении процесса лечения, а в (22) – о его начале, хотя в обоих случаях представлен одинаковый минимальный контекст «до + имя действия»). Ср.:

(21) Его признали особо опасным шизофреником и после экспертиз поместили в спецотделение психиатрической лечебницы в Ставрополе. Вплоть *до излечения*... (Комсомольская правда. – 2006. – 28 дек.). – (22) В большинстве случаев у больных *до лечения* наблюдалась активация клеточного и гуморального иммунитета. (Вопросы вирусологии. – 2003. – 1 дек.).

Мы решили проверить результаты наших размышлений по НКРЯ. Запросы были сформулированы следующим образом: употребление каждого члена пары *лечение* – *излечение* в сочетаниях с предлогами *в процессе* и *во время*, указывающими на явно имперфективный характер фразы. Вот что у нас получилось: общее количество вхождений существительного *лечение* (8398 вхождений) примерно в 11 раз превышает встречаемость существительного *излечения* (713 вхождений). В заданных имперфективных контекстах НКРЯ дал 48 вхождений существительного *лечение* и всего одно вхождение существительного *излечение*. Даже если учесть разницу в общем количестве вхождений, результаты можно считать значимыми: наличие приставки ограничивает употребление имени действия в имперфективном значении.

НКРЯ помог нам и в выяснении еще од-

ного вопроса: сохраняют ли формы одинаковую употребительность? Проверка подтвердила наши догадки: в некоторых случаях одно из существительных полностью или почти полностью берет на себя все семантические функции, а второе практически становится лишь фактом словаря. Например, в следующих парах беспрефиксные имена действия в современных текстах НКРЯ не встречаются ни разу, а префиксальные вполне востребованы: *синение* (0) – *посинение* (83 вхождений), *беднение* (0) – *обеднение* (199 вхождений), *тускнение* (1) – *потускнение* (21 вхождение), *паковка* (0) – *упаковка* (2121 вхождение как в предметном, так и в процессуальном значениях). Можно было бы сделать вывод, что обнаружена тенденция к сужению употребительности у беспрефиксных «имперфективных» членов именных пар, если бы в паре *шифрование* – *зашифрование* неупотребительным не оказалось как раз префиксальное существительное *зашифрование* (0 вхождений в НКРЯ). Это значит, что функциональный выбор «основного» имени в значительной степени случаен.

Примечательно, что в некоторых случаях при транспозиции глагола в имя наблюдается процесс полного погашения⁵ значения приставки. Это в особенности касается префиксов с фазовыми или длительно-ограничительными значениями в сочетании с именным суффиксом *-к(а)* или нулевым: *погоня*, *поиск*, *поскачка*, *побежка* – они полностью утрачивают предельные семы, обозначая процессы:

⁵ По этому поводу И.Г. Милославский указывает: «В процессе синтеза значения многоморфемного слова могут складываться одинаковые и противоположные категориальные значения... В таких случаях слово имеет то категориальное значение, которое придает ему последний морф в слове» [Милославский 1981: 13–14]. В случае отглагольного имени последним в слове выступает не глагольный, а именной показатель и такие характеристики, как протяженность, начало, интенсивность, законченность, результативность, выражаемые глагольными приставками, в семантической структуре слова могут зачеркиваться. То есть можно предположить, что если значение глагольной приставки в именной форме нейтрализуется, значит, оно полностью не соответствует категориальному значению имени (и наоборот).

(23) Прислушайся к вьюге, сквозь десны прожеженной, Прислушайся к голой *побежке* бесснежья. (Пастернак).

В целом анализируемая группа имен действия хорошо иллюстрирует мысль о сложности и неоднозначности отношений между формой и значением. Даже при таком «строгом» сохранении формальных показателей глагольной видовой коррелятивности о грамматической «видовой» соотносительности отглагольных существительных в русском языке речь не идет, хотя в парных лексемах действительно сохраняются некоторые «рефлексы» вида мотивирующего глагола, которые могут накладывать ограничения на сочетаемость имени действия с элементами контекста. Эти ограничения проявляются в речевых ситуациях, в которых есть смысловой акцент – на результате действия («перфективный контекст») или, наоборот, на самом процессе протекания действия («имперфективный контекст»). Но это правило не работает, если «парные» имена действия разошлись в лексических значениях или если одно из них фактически исчезло из живого языка. К сожалению, какой-либо более строгой зависимости аспектуальных свойств рассматриваемой группы имен от формальных параметров выявить не удалось.

Результаты анализа свидетельствуют о теоретически достаточно слабой аспектуальной дифференциации префиксальных «видовых пар» имен действия по признаку семантической соотнесенности с глаголом определенного вида. Их аспектуальные свойства в каждом конкретном случае специфичны.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на *-ние, -тие* с глагольным видом // *Тerra balkanica. Terra slavica: К юбилею Т.В. Цивьян.* – М., 2007.

Иванникова Е.А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* – Т. 31. – 1972. – Вып. 2.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. – М., 2003. – Ч. II.

Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза: АДД. – М., 1981.

Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> [НКРЯ].

Падучева Е.В. Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени: традиционный и генеративный подход // Режим доступа: http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/farl/handouts.php?cleal_cache=Y (2014).

Пазельская А.Е. Аспектуальность и русские предикативные имена // *ВЯ.* – 2003. – № 4.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 [МАС].

Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. – М., 1969.

Цзяхуа Чжан. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке // *ВЯ.* – 2007. – № 1.